

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КВАЗИРЕНТА КАК ДОХОД ОТ МАНИПУЛЯТИВНЫХ АНТИЧЕЛОВЕЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В современном хозяйственном развитии вопросы исследования ренты и квазиренты выдвигаются на одно из ведущих мест в экономической науке в свете поиска источников решения многих острейших социальных проблем в глобализирующемся мире. Мы определяем ренту как разновидность дохода, получаемого в результате *действительных* практик человека по *продуктивному* освоению материально-физических свойств природы (земельная рента, горная рента и пр.); *квазиренту* – как разновидность дохода от *виртуально-манипулятивной* сознательной деятельности человека, в основании которого лежит *непродуктивное* изменение материально-физических свойств природы. Рентные отношения возникают там, где формируются и реализуются экономические отношения между собственниками определенных *инфраспецифических* ресурсов и субъектами их использования по поводу создания, распределения и перераспределения рентных доходов [1, с. 40].

Интеллектуальная рента возникает в том случае, когда интеллект используется в процессе *продуктивной* деятельности *во благо* человека; если же продуктивной деятельности *нет* или ее удельный вес весьма незначительный, то следует говорить об интеллектуальной *квазиренте*. Переход от интеллектуальной ренты к интеллектуальной квазиренте следует рассматривать как кардинальную смену аскезы напряженного интеллектуального творчества первопроходческих дерзаний более легким делом поисков готовых решений на гигантском складе Интернета. «Эпоха напряженного интеллектуального накопления сменилась легкой эпохой интеллектуального потребления готовых идей и решений. Жрецы творчества превращаются в жуирующее сословие, разделяющее с другими сословиями современного потребительского общества установки «игрового стиля жизни» [4, с. 468]. Если в этом плане провести анализ современной интеллектуальной ренты, которым живет ныне научное общество, то предстает картина, где «данная рента весьма напоминает известные игры финансового сообщества с краткосрочным спекулятивным капиталом. «Интеллектуальная рента», столь сильно влияющая на цену товара (сегодня она достигает около 70 % его стоимости), воплощает не столько качественно новые

технологические решения на основе использования фундаментального знания, сколько дизайнерские ухищрения в области формы. За новый дизайн, улучшающий престижный «имидж» товара, потребителю предлагают платить в несколько раз дороже» [4, с. 468]. Этот факт говорит о том, что сегодня в цене вовсе не фундаментальное знание, а всего лишь манипулятивное искусство, не имеющее никакого отношения к производственному продуктивному принципу. «Прежде в основе новых рынков лежали, как правило, новые технологические открытия, рождающие качественно новые промышленные изделия. Сейчас вместо этого мы имеем преимущественно экспансию нового оформления. Старые технологические решения продаются потребителю в новой форме, при всех ухищрениях дизайна и вездесущей рекламы» [2, с. 332–333]. Интеллектуальная рента здесь превращается в квазиренту и формируется не на фундаментальном, а на манипулятивном знании, обращенном к изменчивой и манипулируемой чувственности потребителя. Эта квазирента носит *паразитарный* характер, ибо она возникает из игры на человеческих прихотях и слабостях [2, с. 333], она не созидает в продуктивном плане чего-нибудь, а всего лишь требует *перераспределения доходов потребителя*, часть из которых и становится источником интеллектуальной квазиренты.

Проблема получения интеллектуальной квазиренты особенно интересна в финансовом секторе, а вернее в сфере финансомики, оторвавшейся от реального сектора экономики и порождающей рентные доходы, получаемые от использования интеллектуальных усилий и решений в сфере *виртуальных финансовых технологий*. В докризисный период в сфере финансомики посредством манипуляций с различного рода финансовыми индексами, весьма оторванными от состояния реальной экономики, сознательно «надувались» финансовые пузыри в виде деривативов, которые можно прямо характеризовать как инструментарий финансово-интеллектуальной квазиренты, а когда грянул мировой финансово-экономический кризис, то финансисты-манипуляторы сумели убедить правительства стран потратить громадные суммы на вытаскивание из кризисного состояния банков и других финансовых институций, которые своими безответственными действиями и породили сам кризис. Практически это означает, что правительства сознательно увеличили величину финансово-интеллектуальной квазиренты за счет всего общества, прежде всего налогоплательщиков, но проблему выхода из кризиса не решили. Это и понятно, ибо нельзя выйти и кризиса посредством тех методов, которые его породили.

Еще одним весьма важным и все шире распространяющимся источником интеллектуальной квазиренты становится ее «создание» в

сфере современного *постмодернистского образования*, сознательно превращаемого в весьма поверхностный и упрощенный процесс информированности-обучения студентов несколькими практическими приемами или методами действий в одной из профессиональных областей, которые основаны на осколочном знании-«мировоззрении», насаждаемом в сфере современного среднего и высшего образования. *Информационно разрозненные сведения*, которыми «вооружают» сначала школьника, а затем и студента университета, не только не дают целостного понимания Универсума, но основываются во многом на мнимо-научных знаниях, весьма далеких от реальности, а поэтому неизбежно *искажающих* ее восприятие в сознании студентов. Но такого рода отрывочные *информационные сведения* (не знания!), не подчиненные формированию целостного миропонимания, в условиях вездесущих рыночных купле-продажных отношений, которые экономической наукой насаждаются как единственно прогрессивные и значимые для общественного (не просто лишь экономического) развития и которыми все в большей степени охватывается сфера образования, продаются по весьма высокой цене. В такой цене доля, так называемой, интеллектуальной квазиренты весьма велика и, по всей видимости, превышает те 70 %, о которых речь шла выше. Тем самым, на наш взгляд, можно говорить об *образовательной интеллектуальной квазиrente*, которая, способствуя обогащению отдельного слоя предпринимателей от образования, наносит непоправимый вред человеку и обществу, ибо способствует процессу явного постмодернистского расчеловечивания, а также и углублению полисистемного кризиса, охватившего глобализирующийся мир.

Можно, на наш взгляд, также говорить и о *маскультурной интеллектуальной квазиrente*, которую получают технологи и исполнители сферы постмодерновой, по сути античеловечной культуры, в основании которой также лежит био-социо-духовное расчеловечивание, сознательно направленное на расщепление, упрощение и оглушение сознания масс, переориентацию его на искусственно создаваемых кумиров и идолов гедонистически-гламурного мира потребления. Под «соусом» достижения и якобы участия в этом гламурном мире «культуры» насаждаются размягчающее мировосприятие, житие в виртуальном мире грез, сверкающий образ жизни звезд, на деле являющиеся манипулятивными технологиями отвлечения массового сознания от реальных социально-острых и напрягающихся проблем реального бытия, а также и методами прямого разрушения способностей к критической мыслительности (монотонные ритмичные удары в бубен шаманов приводят к тому, что уже через несколько минут вовлеченный в ритуал человек утрачивает

способность к логическому мышлению и адекватному восприятию реальности). Противостояние маскультуры классической культуре, впитывающей высочайшие образцы человеческого дара-творчества, усиливается античеловечно направляемыми средствами массовой информации, в пространстве которых программы, посвященные культурной и образовательной, научно-просветительской тематике сжимаются как шагреновая кожа, а лучшее время во все разрастающихся размерах предоставляется агрессивно-отупляющей рекламе и различного рода примитивным шоу-проектам, направленным на возбуждение в человеке природных инстинктов и упрощенных желаний. При этом доходы маскультуры, СМИ (средства массовой идиотизации – Н.Б. Шулевский), умопомрачительно возрастая, говорят о том, что данный вид интеллектуальной квазикультуры выходит на передний план и способствует расширению сферы паразитарных, контрпродуктивных технологий, способствующих процессам деградации и расчеловечивания, противостоящих осознанию и реализации императива выживания человечества.

Коммерциализация сферы образования и культуры, превращаясь в мощную сферу интеллектуального квазикультурополучения, определенным образом переплетаются, взаимосвязаны и взаимодополняются как единый ряд манипулятивных технологий расчеловечивания человека и мира. «Коммерциализация культуры, – писал А.С. Панарин, – приводит не только к вымиранию и вытеснению таких институтов высокой культуры как театр, филармония, национальная библиотека и университет. Она знаменует собой неслыханный во всей истории человеческой цивилизации реванш устной речи над письменной, вульгаризованной спонтанности над культурным усилием... Коммерческая культура адресована самой примитивной стороне человеческого существа, она поощряет инстинкты в ущерб разуму и морали» [2, с. 126]. Контрпродуктивность интеллектуальных квазикультурных отношений способствуют усилению искоренения наряженной миропостижительной деятельности человека, распаду и игнорированию человеческих ценностей и Большой культурной традиции, подчинению примитивизирующейся деятельности индивидов критериям прибыльности и продажности, усилению служебно-подчиненного и функционального характера действий людей самоценности упрощений и инстинктов, явно направленных против самой жизни.

В начале XXI в. явно произошел перекосяк в интеллектуально-культурных отношениях за счет умаления общественной значимости интеллектуально-продуктивных жизнестроительных технологий и агрессивного распространения контрпродуктивных интеллектуальных технологий расчеловечивания, породивших в возрастающих размерах

интеллектуальную квазиренту, ставшую могучим орудием наступления экономической власти на власть духовную. В большой мере этому способствовала экономическая наука и экономическое образование с их моделью экономического человека. А.С. Панарин писал: «Экономический человек» сегодня готов кастрировать национальную культуру, тщательно выбраковывая все то, в чем он подозревает некоммерческое воодушевление и мужество самодостаточности. Он готов искоренить культуру самоценных форм, всюду заменив ее функциональной прикладной культурой, постоянно памятующей о пользе и отдаче. Плодить титанов такая культура не в состоянии» [2, с. 128]. Не экономический человек и его расширяющиеся интеллектно-квазирентные отношения, а человек-хозяин, использующий рентные доходы во благо человека и человечества должны стать главным субъектом-объектом экономических исследований в качественно обновленном методологическом поле жизнедеятельностного анализа с тем, чтобы понимать «постиндустриальное общество как возвращение из «постчеловеческого» мира в человеческий» [3, с. 100] и выработать практические рекомендации возрождения и развития хозяйства не ради прибыли, а ради Человека и прав самой Жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Задорожный Г.В., Кацуба А.В. Рента и квазирента как феномены современного хозяйственного развития (методология анализа) // Социальная экономика. – 2009. – № 3–4. – С. 36–41.
2. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.
3. Панарин А.С. Реванш истории: Рос. стратег. инициатива в XXI веке. – М.: Русский мир, 2005. – 432 с.
4. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2003. – 560 с.